

ПОЭТИЧЕСКАЯ «ЖИВИЦА» АЛТАЯ

Башунов Владимир Мефодьевич
(18.11.1946-21.02.2005)

Поэтическое творчество Владимира Башунова вырастает из самой сердцевины Алтая, прорастает его жилительными токами и выражает его душу, соединившую в себе народную мудрость и любовь к родной земле.

Владимир Башунов – один из тех российских поэтов, творчество которых неразрывно слито с родной землей, к телу которой он прирос корнями своего лирического «Я» и ощущает её как часть самого себя. Алтай для Башунова – это не просто малая родина, это «живица» его творчества и всей его судьбы.

Поэтическое творчество Владимира Башунова началось с детства, писать стихи он начал еще в школе села Турочак Горно-Алтайской области. Студентом принял участие во Всесоюзном фестивале молодых поэтов. Первый сборник его стихов – «Поляна» – вышел в 1970 году, в год окончания филологического факультета Барнаульского государственного педагогического института. Творческое становление Башунова-поэта пришлось на ту эпоху, которую по праву можно соотнести с очередным «веком» русской поэзии вслед за «золотым» и «серебряным». То было время, когда увлекались литературой, поэзией, бардовской песней. Это было время литературных вечеров, собиравших полные залы молодежи. Это была та благодатная пора, которая сыграла важную роль в рождении литературных звезд: Вознесенского, Ахмадуллиной, Евтушенко, Рождественского и многих других. Именно в эту пору и расцвел

поэтический дар Башунова, начавшийся с романтического поиска «начала пятого»:

Я не стану смотреть под ветер,
а пойду я по белу свету:
может статься,
что, где-то спрятанное,
отыщу я начало пятое.

Есть четыре начала у света...
может статься,
что, где-то спрятанное,
отыщу я начало пятое.

«Пятый элемент» башуновской поэзии – это, может быть, только интуитивно осознанное им стремление к «слиянию неслиянного» (из мыслей А. Аннинского о Лескове), подсознательное желание слить «мечту с действительностью». Но, в отличие от романтического мотива разлада, в Башунове-поэте не ощущается раздвоения, внутреннего противоречия. Его творческое «Я» существует как гармония, единство и цельность.

В стихотворении «Отшельник» обращают на себя внимание следующие строки:

Гордый конь ли вдали проскачет,
горький зов ли вдали проплачет –
кедр скупое молчанье хранит.
Только корни расходятся криво,
только хвои тяжелая грива
и не может лететь... и летит!

В словаре Ожегова [1990] отшельник – монах, живущий в скиту, отказывающийся от общения с людьми, внешним миром; человек, чуждающийся других, живущий уединенно.

В словаре Владимира Даля [2017] среди многих значений и толкований этого слова есть и такое: отшельник, живущий в уединении, отдельно от жилого места, сам по себе, ради спасения души.

В трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» есть такие слова:

Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли...

Проведение сравнительного анализа толкований этого слова может привести к определенному выводу: отшельник – это человек, отказавшийся от мирской суеты и посвятивший себя жизни духовной; но в минуты опасности, грозившей его родной земле, он способен влиться в ряды активных её защитников и оказаться в центре активных борцов за свою Родину. Для Башунова-поэта органично сосуществуют два разнонаправленных движения: «от земли» и «к земле». В стихотворении «Отшельник» образом кедра, «повидавшего и радость, и горе», который «ни о чем уже не хлопочет» и «никуда не стремится», представлено внутреннее противостояние: бесполетность («и не может лететь»), каменная сила, прочность (образ корней) противопоставлены стремлению к поиску, полету, «началу пятому», отвергающему рациональное отношение к миру и утверждающему путь поиска, вызова существующему в надежде найти и обрести что-то, что позволит открыть новое и неизмеримо важное в жизни («...и летит!»).

Творчество Владимира Башунова может быть осмыслено не только как значительный факт региональной культуры, но и явление, далеко выходящее за пределы региона. Анализируя творчество Башунова как «вещество регионального существования»³¹, В.В. Дубровская [2011, с. 159–163] отмечает: «Итак, в мире А. Платонова, даже если речь идёт об уездном городке, вещество существования производится, а в созданном поэтом Башуновым мире, обусловленном в том числе и региональной ментальностью, вещество существования пребывает в природе либо добывается – охота, рыбалка,

³¹ Понятие «вещество существования» имеет истоком прозу А. Платонова (см.: источник).

сбор грибов и ягод, заготовка дров, наконец, обработка земли и сбор урожая. Всё это носит благой характер, когда удовлетворяет потребности семьи, рода, является местом приложения молодых сил и т.п. Та же самая деятельность становится преступной тратой вещества существования, когда приобретает, так сказать, промышленные масштабы. Так, в стихотворении «В лесосеке» заготовка леса – почтенная, не лишённая красоты и юношеской романтики работа: «С топором да пилюю... / и пока молодой, / пахнуть потом, смолою, / ночевать под звездой...» Однако, когда «топор да пила» сменяются множеством бензопил, а масштабы лесозаготовок превышают разумные пределы, вещество существования разрушается: как кедр, так и лес в целом уходят: «...что ни год, / теснит леспромхоз – / топоры, матюги, бензопилы...» Лес в поэзии В. Башунова является мощным средоточием вещества существования. У Владимира Мефодьевича лес – главное событие жизни, средоточие вещества существования в том числе и в его региональной специфике. У Башунова лес есть «овеществление» мышления, поведения, ценностных ориентиров, имеющих региональную окраску, а истоки этих проявлений уходят в недра алтайской и сибирской ментальности. У Башунова лес – это смысловой аналог мифологемы Алтай. Согласно содержащемуся в топониме мифопоэтическому смыслу, Алтай – это центр, обладающий качеством высоты, и пояс, соединяющий евразийские степи с территориями Центральной Азии. Эти качества – центр, высота и опоясывание-ограждение присущи башуновскому лесу и сообщают ему признаки региональной онтологии».

Одной из важнейших тем в поэтическом мире Башунова является тема матери, пожалуй, самая трогательная и лиричная из всех. Мать в его стихотворениях – это не просто образ женщины, которая дала жизнь, окружила лаской, теплом, воспитала, выучила, это еще и огромной силы обобщающий образ-символ того, что без пафоса можно назвать родиной, в которую врос корнями (стихотворение «Отшельник»), которая тебя питает и успокаивает, которая лечит и возвращает к жизни в самые тяжелые минуты. В стихотворении «Полдень», посвященном сестре Тоне, отчетливо проявляется образ матери-оберега:

Притомились. Бросили тяпки.
Повалились в июньский цвет.
На постиранной чисто тряпке
разложила мама обед...

Рябчик свистнул. Валежник охнул...
Не раскрыть утомленных глаз.
Мама снимет тихонько кофту
и прикроет заснувших нас.

Тот же мотив прослеживается и в триптихе «Три обращения к детству»:

Пропадал ли за малиной,
припадал ли у ручья,
видно, маминой молитвой
сберегалась жизнь моя...

Проносил себя, ликуя,
у воды и у огня.
...И не слышал поцелуя,
сберегавшего меня.

Анализируя поэтический материк В. Башунова, В.В. Дубровская [2009, с. 133–142] выделяет в нем «отцовский» текст: «Поэзия В. Башунова представляет собой отцовский текст, организованный лирическим субъектом, рефлексирующим над событием порождения другого (ребенка или поэтического произведения) и научившимся любить порожденное... Само отношение к поэзии В. Башунова было отцовским: автору этих строк доводилось слышать, как он называл поэзию «девочкой», свои стихи – детьми, которых он обязан защищать. В «Этюдах о Пушкине» Башунов проявляет о своем кумире отцовское беспокойство: «литература восприняла частные уроки», но «цельного и полного восприимства нет» и цитирует самого Пушки-

на: «Наследника нам не представит он». Пушкин без продолжения с полным воспроизведением генетического кода, без наследника – повод для острой печали о судьбе русской литературы...».

Лирический мир поэта пронизан образами-символами. Наиболее важными и интересными для понимания поэтики Башунова являются образы дерева, дома, птицы и коня. В этом лексическом ряду уже просматривается определенный мотив: сросшись навеки с родной землёй, домом, семьёй, уйдя в родную землю глубокими корнями, живет в поэтической душе желание воспарить, ощутить всю волнующую прелесть свободы и неотмирности. Показательно в этом смысле стихотворение «Всадник». Два противоположных стремления лирического героя отражены и в особой ритмической и интонационной структуре текста:

Прогибается дорога,
пролетает верховой.
Нету черта, нету Бога –
только ветер вихревой...

...Непутёвая натура,
опрометчивый разбег!
Задохнувшись от аллюра,
бросит повод человек.

Станет конь в траве высокой,
в тишине и красоте,
на желанной,
на далёкой,
на мучительной черте...

Упругой ритмикой, горячим стремлением, бесстрашием проникнуты строки мастерски «сделанного» стихотворения. Эффект затихающей стремительной скачки создан не только на уровне лексики, но и на уровне ритмической структуры текста. «Желанная,

далекая и мучительная черта» - это тот самый «пятый элемент», «начало пятое», мотив которого пронизывает почти все стихи. Это и «подступивший апрельский искус катиться по тонкому льду» («Березовый сок»), это «озеро купавье» и «зеленое купанье» («Купанье»), это желание, которое воспринимается как «счастье, равное страданию/раствориться в мире до конца» («Санний путь в березах»), и таймень, который ходит в речке Ульмень («Таймень»). Образ птицы и скакуна – это то заветное, что хранится как особая кладезь в тайных уголках души:

Легко посулит дорога.
Легко увлечет она.
И все же не трогай, не трогай
птицу и скакуна...
(«Осенний этюд с птицей и всадником»)

То, что связывает с землёй и домом, – это «путы», но не те, которые осознаются как неволя, а те, которые удерживают, оберегают и спасают:

Спасибо за путы эти
родине и судьбе.
За то, что на белом свете
есть дорога к тебе.

Есть встречи,
есть расставанья.
И это в моей крови
Щемящее сочетанье
осени и любви.
(«Осенний этюд с птицей и всадником»)

Одним из поздних является сборник стихов «Авось», ему предшествовал другой – «Полынья», название которого странно напо-

минает первый – «Поляна». «Поляна» для Башунова – это то место, которое соотносится с отдыхом, добром и теплом, а также с тем, что питает и вдохновляет:

Напьюсь воды и в тень войду,
и отдохну, а в полдень
я на поляну набреду,
где ягода вся на виду,
и туесок наполню.

(«Сон»)

«Полынья» же ассоциируется прежде всего с холодом, несмотря на то, что это то единственное место, которое не замерзло и хранит тепло:

Вода, не схваченная стылью,
парит и черной глубиной
пугает, обдавая пылью
стеклянной, то есть ледяной.

(«Полынья»)

Безусловно, эти два сборника – знаковые для творческого пути поэта и не только... В этом отражен и духовный путь России: 60-е и 90-е годы XX века. Две России, «два плача, два счастья, две доли...» («Береза, дорога»). Вода в «Полынье», «не сдавшаяся стуже» – это уже предчувствованное поэтом будущее «авось», маленькая, но все же надежда, надежда на неизвестное еще возрождение не только русской литературы, но и России:

Вода, не сдавшаяся стуже,
вода, смиренная на вид,
глядит пугающе и чуже –
и тянет, тянет, как магнит!

В сборник «Авось» вошли лучшие стихотворения всех периодов творчества Башунова: от 1967 до 2003 года. Открывается сборник стихотворением «Акварель», и это не случайно. Вся башуновская поэтическая палитра – акварель, мягкие, немного размытые очертания того мира, в котором и которым он живёт. В его стихах нет надрыва, нет отчаяния, нет бурной и буйной радости. Скорее это мир тонкого лиризма, спокойным, то мягким и светлым, то темнеющим фоном льющегося из скромных уголков души поэта:

Вот и ягода с печалинкой,
с холодинкою вода.
Гуси к берегу причалили,
разбрелись в лугах стада.

Русское «авось», в котором вместе с надеждой ощущается подсознательная вера и в чудо, и в судьбу, и в предназначение, ощущается в образе «окольного пути» («Окольный путь»):

Выбираю путь окольный,
уклоняюсь от шоссе
– клеверовый,
белоствольный,
в подсыхающей росе.

«Окольный путь» для Башунова – это, с одной стороны, осторожность путника («тише едешь – дальше будешь»), а с другой – упрямое стремление к движению, к продолжению поиска «начала пятого», которое начинает обретать все более ясно осознаваемые черты:

Говорят, дорога лечит
(бед и хворей – череда!..)
Через чёт и через нечёт,
Через «нет» и через «да».
...Через дальнее убранство,

через радость и тоску,
через время и пространство,
через Полоцк и Москву...

Башунов не относился к тем личностям, которые легко подстраиваются и перестраиваются, что дает возможность «быть на коне» во все времена. Спокойная акварель его стихов нет-нет да и прорвется затаённым больным сознанием творческой невосребованности и бесприютности, которая, впрочем, была родной сестрой всех русских поэтов.

Налетели гуси на меня
и шипят, и щиплют длинновыи,
со двора (не ко двору?) тесня,
серые да злые.

...Продышусь, по детству поброжу,
навещу друзей, пока живые.
Зашепчу уколы болевые,
пеплом ли присыплю – не впервые...

Ничего гусям не докажу,
но души к ногам не положу –
обойдутся, серые да злые!

(«Гуси»)

Россию 90-х Башунов ощущает как «жизнь, опрокинутую вверх дном» («Столько думок в голове толпится...»), в которой «без материнского догляда / все пошло рывком да кувырком...» Но внутреннее стремление к гармонии: «...а душа, взыскаю, ищет лада / и бредет по углям босиком» – основано всё-таки на вере в Бога, в Матерь Божью, в которой ощущается сила оберега.

Тема Бога в творчестве Башунова занимает особое и, пожалуй, самое сокровенное место. Не поминая Бога всуе, он обращается к

нему в минуты особых прозрений и раздумий, прямо и непрямо ощущая Его присутствие во всём: в родной природе, в таинстве русского быта, в любви ко всему сущему. Например, в стихотворении «Какая снежная зима» образ январского леса соотносится с таинством православных церквей («Сугробы» – «купола»).

С образом Бога связана и попытка осознания пути, судьбы, предназначения и веры в лучшее, в то «авось», которым всегда жила русская душа:

В судьбе, освящённой страданьем,
любовью, трудом и сраженьем,
дорога была испытаньем,
берёза была утешеньем.

Иные ль нам выпали боги?
Сдержи подступившие слёзы:
за тою берёзой – дороги,
за тою дорогой – берёзы...
(«Берёза, дорога»)

Обращаясь к Богу в самые сокровенные минуты своих поэтических откровений: «Да хранит тебя небо, сын!» – Башунов на ранних этапах своего творчества осознавал Бога как единство всего святого на земле. В это единство он включал немного – мать, дом, родную природу, жену, детей, творчество – и одновременно всё... В «Обращении к сыну», одном из самых трогательных поэтических откровений, созданном как своеобразное заклинание, Владимир Мефодьевич завещает сыну самое сокровенное:

Я судьбе твоей не судья,
а завет у меня один:
кровь моя, жаль моя, жизнь моя,
да храни эту землю, сын!

Основываясь на простой, гармоничной вере в Бога, естественно и не специально осознанной, поэт постепенно приходит к вере-покаянию:

Все чужие проступки – во мне,
Все мои прегрешенья – со мною.
Хорошо быть на белом коне,
нелегко устоять под виною.

(«Вина»)

Обращение к Богу сопровождается и те печальные раздумья, которые связаны с судьбами друзей, близких, в которых, как в зеркале, отражается судьба не только России, но всех «великих народов». Уже осознанной верой проникнуты строки обращения к Богу как высшей истине, дарующей веру и надежду:

Дай нам, Бог, не изувериться,
рук до срока не сложить.
Есть еще кому довериться.
Есть еще о чем тужить.

(«Полночное пение»)

Самым ярким, пожалуй, выражением веры как спасения является стихотворение-септет «Последняя милость», в котором мир осмыслен поэтом как особая сила, дающая жизнь и дарующая как особую милость веру:

И этой спасительной верою,
да поздней калиной, да вербою
пасхальной – на самом краю,
за краем, – да светом особенным
во взоре, открытом и совестном,
да чем еще? – жив и стою.

И, наконец, в 90-е годы Бог осознается Башуновым как миротворец, а желание веры познается не умом, а сердцем:

Разве сердце не плачет тайком
о любви, о надежде, о вере?
Разве Бог открывает пинком
двери в мир или райские двери?
(«Правда оправдится – разве не так...»)

Поэтике Башунова часто свойственно обращение к русской народно-песенной строфике, к фольклорности, к сказочным героям и персонажам:

Еду-еду, а следу нету.
Вырастаю, а сладу нету.
И берет меня мама за руку.
И ведет меня мама за реку...
(«Еду-еду, а следу нету»)

Поэтический язык Башунова отличается неспешностью и раздумчивостью русской разговорной речи. Без выпренных фраз, не отличаясь высотой и изыском стиля, простыми словами Башунов создает мир высокой лирики, величавого единства человека с миром и Богом.

Мир природы, любовь, берёзы, дороги, мать, женщина, детство – все эти образы и составляют палитру башуновской лирики. Но что же всё-таки незримо, но явно в каждом слове, интонации присутствует надо всем, сверх всего? Думается, что Родина, Россия-матушка... Именно её образ «мучительно, несвязанно проступает между строк...» («Акварель»), именно она в образе сороки «зовет... голосом вкрадчивым с тех июльских полян» («Седьмой день или похвала сороке»). В сборнике «Авось» эти стихотворения являются крайними: одно начинается сборник, другое заканчивает. Проступившие в этом обрамлении мотивы родной земли не случайны. Это только доказы-

вает мысль о пронизанности всего поэтического материка Башунова чувством Родины. Как особую деликатность и утонченность поэта можно отметить тот факт, что слово «родина» в его стихах встречается крайне редко. Показательно в этом смысле стихотворение «Память»:

За семью за печатями,
за семью за печалями,
возле самой беды,
ниже красной звезды,
на траве между плит,
опершись на гранит,
то ли облако спит?
то ли воин сидит?

Он сидит – не вздохнёт.
Мать глядит – не всплакнёт.
Тень на тень набежит –
глубь земли задрожит.

То ли сон?
То ли Бог?
То ли милый сынок?

В «Трактате о русском снеге» Башунов подчеркивает слияние в образе снега всего, что воспринимается поэтом как Русь, Россия:

Как нераздельны: снег, Россия,
сугроб, снегурочка, снегирь...
И родина моя,
стихия
великоснежная – Сибирь.

«Память духа» как «наследство суровых прадедов» – именно так осознается Башуновым то, что принято называть патриотизмом.

Патриотизм поэта проявляется, прежде всего, в том, что трогательно звучит как своеобразное признание:

Мы все язычники. В нас предки
живут.
Нас трогают до слёз
полуопущенные ветки
полуоснеженных берёз.

Башунов – это мастер небольшого, чаще даже маленького лирического стихотворения. У него нет поэм. Но есть циклы стихотворений, объединенных одной темой, мыслью или чувством. Это триптихи «Гость», «Гадкий утенок», «Три обращения к детству», это и самый большой цикл – «Озеро».

В триптихе «Гость» прослеживается одна из самых больных для Башунова тем – тема расставания с родным домом, где вырос, где написал свое первое стихотворение. Боль за то, что встречают там тебя уже как гостя:

И уже не так встречают,
разговор не так ведут.
И уже на чашку чая
Больше сахару кладут.

Тема Родины осознается Башуновым, прежде всего, как тема дома. Одним из самых ярких в поэтическом отношении стихотворений является «Крыльцо». Весь текст стихотворения – это развернутая метафора: крыльцо – дом – родители – родина. Прием олицетворения – «крыльцо мое, как верный брат, идет за мною вслед» – создает ту нравственную основу, которая и является смысловым стержнем всего стихотворения.

В «Гадком утенке» звучит тема таланта, который нуждается в поддержке, в опоре. Удивительная фольклорная напевность первых строф погружает читателя в атмосферу плача, зова:

Не сорочьим крылом по ветру,
не в сорочке – нагой – по миру.

По дворам, по углам, мимо ли...
Не казнят, подразнят – милуют.

Кинут камень вослед – стерпится.
Был – и нет. Только след стелется.

Только след, точно свет в полночи.
Был – и нет. Только зов – помощи!

Сбылось предсказанное («Все возвратится на круги своя //
Ещё утёнок превратится в лебедя / И песня, вся из шелеста и лепета
/ пробьётся у пруда или ручья») и одновременно не сбылось, так как
путь Поэта – это всегда, во все времена путь через тернии, но все
же к звёздам...

Авторская модель мира Башунова выстроена на четырёх стол-
пах:

Любовь ко всему сущему;
любовь к своей родной земле;
любовь к дому, семье, друзьям;
любовь к женщине.

Не случайно все эти мотивы и организуют поэтическое про-
странство цикла «Озеро».

Болью за поруганный кедрач пронизано стихотворение «На
реке». Пронзительная нежность слышится в строчках, обращенных
к женщине (стихотворение «Лесная дорога», посвященное жене
Ане):

Я сяду на пень придорожный.
Я брошу рюкзак возле пня.

Твой голос,
сухой и тревожный,
ребёнком уткнётся в меня.

Не случайно повторяется мотив дороги и женщины-оберега, который в сознании поэта сливается и с образом матери, и с образом дома, и с образом озера, своей зачарованной силой удерживающего мятущийся дух.

Последние два стихотворения цикла – «Прощание с озером» и «Postskriptum» – как бы венчают замысел: обращение к другу, в котором искренне выплёскивается сомнение: «Неужто все сиюминутно / что в нас ликует и болит?», – завершается формулой бесконечности и нетленности всего того, что прожито, передумано, спето:

...но и тогда, когда Озеро спрячется
за кедром, и сомкнутся года,
нас разнимая, и спляшется, сплечется,
стерпится, слюбится, но и тогда...

Начиная и заканчивая стихотворение многоточием перед и после «но и тогда», поэт как бы подчёркивает вечно живую связь времён, прошедшего и будущего. В этом проявляется своеобразно и его «авось» как знак надежды:

Душа не рассада,
не терпит подгляда –
еще обомнётся.
Авось обойдётся!..

Вспоминая о Владимире Башунове, его друг и литературный соратник Станислав Вторушин пишет: «Настоящая поэзия – всегда открытие. Поэт вряд ли объяснит, почему вдруг ему в голову пришли строчки, читая которые, у людей замирает душа, но у меня всегда возникает ощущение, что перед тем, как написать их, надо

пообщаться с Богом. Такое ощущение возникло, когда я услышал последние стихи Владимира Башунова. Он их читал учителям русского языка и литературы, собравшимся на одно из педагогических совещаний в Барнауле.

Опустишься в сон, как в глубокую воду,
и там, в глубине,
пройдешь по любимому сердцем народу –
друзьям и родне.
По тем, с кем уже не увидишься въяве
ни нынче, ни впредь.
Ах, кто не мечтал не в болезни, а в славе
легко умереть.
Но что перед жизнью пустые мечтанья!
Как огненный смерч
приносит с собою испуг и страданье,
так ранняя смерть.
И я не хочу никакого загада –
не стоит гроша,
ведь муку чужого предсмертного взгляда
узнала душа.
И я не хочу, точно птица, попасться
в силки, как в беду.
И в день поминальный, девятый по Пасхе,
я вновь к вам приду.
И вновь я услышу, как дышат могилы,
пресилив тиски,
остатком еще не растроченной силы,
любви и тоски.
И вновь я увижу, как светел и тонок
небесный оклад.
И женщина плачет. И прячет ребенок
взрослеющий взгляд.

После того памятного дня я много раз перечитывал это стихотворение, и оно не переставало поражать меня. Не перестает и до сих пор. Я не говорю о последних двух строчках: «И женщина плачет. И прячет ребенок / взрослеющий взгляд», которые заключают в себе глубочайший духовный и философский смысл, но откуда он взял и девятый день по Пасхе, и услышал, как дышат могилы? Скажите мне, что Башунов это выдумал сам, что, когда он сидел за письменным столом, его не навестил Господь, и я вам не поверю. Как не поверят все те, кто по-настоящему любит и умеет ценить поэзию. Впрочем, он сам признался в том, что вдохновение всегда приходит свыше:

...Зато, когда звезда
стояла меж дерев,
издалека тогда
мне слышался напев.
Зато я знал в руке
живого слова дрожь.
И голос вдалеке
был так на мой похож.

Вот этот голос вдалеке и есть тот самый голос божий, который помогает писать настоящие стихи. И только тот, кому дано услышать его, становится поэтом» [Вторушин, 2010].

Голос поэта Владимира Башунова, слитый с тем, который был ему слышен, по сути, есть голос большого русского поэта, рожденного землей и небом Алтая.

Библиографический список

1. Башунов В. Поляна: сб. – Барнаул, 1970.
2. Башунов В. Авошь: сб. – Барнаул, 2003.
3. Вторушин С. Владимир Башунов: эссе // Сибирские огни. – 2010. – №7.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Дрофа; Рус. яз.-Медиа, 2011. –Т. 2. – С. 768.

5. Дубровская В.В. Вещество регионального существования в поэзии: Владимир Башунов // Язык, литература и культура в региональном пространстве: мат. II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И.А. Воробьевой, Барнаул, 6–9 окт. 2010 г. – Барнаул, 2011. – Вып. 2. – С. 159–163.

6. Дубровская В.В. «Отцовский текст» в творчестве В. Башунова // Теория литературы: актуальные проблемы современной науки: сб. науч. ст. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – С. 133–142.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – С. 484.